Источник: Знамя Дата выпуска: 2010 Номер выпуска: 10

Заглавие: Настоящий Чехов

Автор: Г. Давыдов

Современные психологи скажут: первое впечатление от человека складывается за дветри секунды. Впечатление, разумеется, не самое верное, но зачастую очень и очень прочное. Это потом бывает, что мы разочаровываемся или, напротив, переборов первое впечатление, говорим: "Нет, я в этом человеке ошибался. Он лучше, чем я думал".

Так не только с людьми, так и с домами. Мы можем влюбиться в дом сразу или сразу же фыркнуть с неудовольствием.

Но случается, что это первое впечатление просто невозможно составить.

Так обстоит и с Чеховым, и с его знаменитым ялтинским домом - "Белой дачей".

Настоящий Чехов заслонен школьным Чеховым. Благородный Чехов с картины Осипа Браза - глупыми и жалкими персонажами юморесок. Живой Чехов - старой русской привычкой (после революции выросшей в манию) видеть в писателе сначала обличителя, сложных проблем отражателя, с режимом борца и народной доли певца.

И чеховская дача - также оказывается заслоненной. Шумом города, в котором давно если господин не хам, то, во всяком случае, гам. Пылью, которую следует сглатывать, если вы, как и прежде Чехов, прибредете к Белой даче пешком. Благодарите эпоху без условностей: у вас нет ни трости, ни тяжелых ботинок с неснашиваемой подошвой, ни обязательной шляпы (которая если и закрывает от солнца, то взамен в голове творит желтый, желтый жар).

И вот (в таких случаях говорят "наконец"), и вот наконец вход, а дальше подозрительно нечеховская железная лестница вниз (с конца 1960-х ее никто так и не лягнул - все стеснялись), а дальше... Нет, если вы подумали, что дальше домик Чехова, то, значит, вы мечтатель, еще и не ступивший не то что в чеховский сад, но в нечеховский двадцатый век.

Потому что перед вами будет ангар (оптимисты добавят "почти", пессимисты - "совсем"). Спору нет, ангар необходим: там архив, фотографии, рояль, полк стульев, седеющие билетерши. Там даже настоящий чеховский письменный стол. Это ведь мило: ангар конца 1960-х и чеховский стол?

Ну что же: теперь-то Белая дача? Нет. Только калитка к ней - старая, значит, чеховская.

Вы входите в прославленный (потому что от ангара до калитки сунули нос в буклет и прочитали "прославленный"), итак, в прославленный сад, спотыкаетесь (потому что отчасти пересеченная местность - ее пересекает прославленный ручей), переходите на интеллигентный бег (потому что отчасти вы человек интеллигентный, если все-таки добрели до Чехова, а на бег, потому что позади вас гам, хам, пыль, ангар, лакомые фото буклета), вы - у входа.

Затрудняюсь сказать, сколько раз необходимо прийти в чеховский дом, чтобы выяснить, сколько в нем, например, этажей (на третий, например, никого не пускают), сколько в нем, например, комнат (например, двенадцать), сколько в нем, например, входных дверей (например, три).

Дом заслонен домом. И садом, конечно же, заслонен. Ведь сад - последний и единственный живой современник Чехова - но даже он не тот, что при Антон Павловиче. Вырос сад. Росли тома собрания сочинений. И рос сад. Который сочинял Чехов.

В музеях люди ведут себя по-музейному. Но даже в музеях в голову приходят немузейные мысли. Простодушный посетитель чеховской дачи воскликнет: "Какой богатый был-Чехов!" (пятнадцать комнат, четыре этажа). Те, кто умеет сдерживаться, не скажут, но подумают так: "Чехов богатый был" (двадцать три комнаты, пять этажей с мезонином).

Здесь следовало бы поговорить о чеховской благотворительности - раз следовало, то считайте, что и поговорили...

Вы (в таких случаях пишут "наконец"), вы наконец в кабинете писателя. Вернее, у кабинета. Тоненькая, классически-музейная бечевка, как гадюка, провисает перед вами. Если вы не укротитель, то вряд ли дерзнете сдавить ей горло. Или все-таки укротитель?

Если вы плохо видите, то вы мало что увидите. Но даже если мало - полыхнет на вас самое красивое, что есть в кабинете. И это не мебель, не скромный Левитан на стене, не безделушки всюду, которые так любил давний век. Это окно или, вернее, фрамуга. По обыкновению ялтинских жителей, фрамуга составлена из ромбов цветного стекла - синего и желтого - чтобы рассеивать ялтинский свет, чтобы глаза не болели - у Чехова.

Рядом с кабинетом - гостиная, там фортепиано ("Чехов - богатый"), комнаты подсчитаны (сорок четыре - нет, это не число комнат, это число лет, которые он прожил), и гадюкабечевка не выползет за вами в сад, потому что именно он (в таких случаях говорят "расстилается"), он расстилается перед вами.

Плана-карты сада, кажется, не существует. Но можно представить, что он составлен: пальма такая-то и такая-то, дерева такие-то и такие-то, кустарник и еще раз кустарник (и еще раз кустарник), должны быть и розы (при Чехове были), экзотический очень бамбук... Но тот, кто похрустывает по гравию дорожек, неизменно вытащит свой нос из подобного плана.

В чеховском саду не хочется мельтешить. Поэтому идешь медленно (отчасти это уловка, ведь знаешь, что за тобой наблюдают - вдруг стыришь розы?), медленно, чтобы каждый короткий шаг соответствовал длинному времени, протекшему с чеховской смерти.

Интересно, умеют ли листья, стволы помнить руки, которые их касались? Чехов сажал эти деревья, Чехов подрезал эти розы. Куприн как-то утром шел мимо чеховского сада, любопытно заглянул за забор и в полумгле увидел очертания Антона Павловича. Чехов крутил головой, выбирая сухие ветви, и щелкал секатором. Куприн не решился его беспокоить.

Впрочем, в саду не только цветы и деревья помнят живого Чехова. Еще - ручей, который (в таких случаях говорят "бежит" или "журчит", но мы скажем "скачет"), который скачет сквозь зелень, - он остался таким же мальчишкой, как сам Чехов.

Помните, как Чехов вышутил Бунина? Они (с тросточками, в шляпах, сюртуках, на неснашиваемых подошвах) шли мимо обывательской дачки, и Чехов вдруг громко брякнул: "Слышали?! Вчера у татар Бунина зарезали...".

А кроме ручья - еще скамейки. Кажется, с двойной радостью (или даже местью) вытянешь ноги, плюхнувшись на них. Долой усталость! Долой музейную бечевку-гадюку!

Не исключено, правда, что одна из скамеек жжет - например, та, которую путеводители слезливо именуют "горьковской".

Ну что же: значит, не засидитесь. Вы понимаете, у Чехова - в гостях. И следует дать хозяину покой. Ведь сюда надо вернуться, вернуться, чтобы посчитать наконец точное число комнат?

Все равно тайны дома, сада, окрути останутся.

Например, тайна немцев в чеховском доме во время войны. Сестра Чехова - Мария Павловна здесь оставалась. И она объяснила немцам, что в доме Чехова нельзя шалить. Немцы послушались.

Или тайна церкви Феодора Тирона в соседнем проулке, на взгорье, - Чехов давал деньги на ее строительство. А сегодня в церкви бытует легенда, что именно здесь венчались Антон Павлович и Ольга Леонардовна. Москвичи, впрочем, это оспорят. Про Марию Павловну вспоминают, что она состояла с 1945 года в приходском совете. Наверное, не случайный год? Надеялась, что с победой жизнь переменится? Когда умерла, церковь закрыли. Тоже ведь деликатность.

Наконец (в таких случаях говорят "наконец"), тайны слов, мыслей, горячих вдруг глаз - когда позвонит Бунину Антон Павлович под ночь: "Бросайте все, едем кататься!" - "Что такое?" - "Влюблен".

Это же несправедливо: из русских писателей того века позволено влюбляться только Пушкину. А влюбляются все.

И скамейка в Ореанде, рядом с другой церковью, где мозаики выкладывал кропотливый итальянец Сальвиати, скамейка, на которой сидели Гуров и Дама с собачкой - его, чеховская, он ездил туда, чтобы в обществе дочери местного протопопа смотреть на ночные блики над тихой, тихой, ничего не знающей о грядущем вихре Ялтой.

Есть у Ялты (да и у всей России) одна особенность: то, что сделано тогда, *давно*, - прочно. Дома, которые стоят без ремонта сто лет. Резные наличники, которые нависают под карнизами сто лет. Цветные фрамуги, которые играют светом сто лет. Подпорные стены из отесанных глыб, которые удерживают горы сто лет. Писатели, которые умерли давно, тогда, но которые стоят прочно и которых любят сто лет.

